

В. Г. Белинский

Петербург и Москва

Виссарион Белинский
Петербург и Москва

«Public Domain»

1845

Белинский В. Г.

Петербург и Москва / В. Г. Белинский — «Public Domain», 1845

Статья «Петербург и Москва» замечательна не только полной и разносторонней характеристикой обеих столиц. Опираясь на выработанную им же концепцию русского исторического процесса, Белинский доказывает историческую необходимость Петербурга и обосновывает его национальное значение вопреки славянофильским толкам об «искусственном» происхождении этого города. Та же антиславянофильская тенденция звучит и в критической характеристике Москвы с ее «патриархальной семейственностью», представляющей благодарную почву для появления всяческих романтико-идеалистических теорий, в том числе и славянофильских.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Виссарион Григорьевич Белинский Петербург и Москва

Предки наши, принужденные в кровавых боях познакомиться с *божшими дворянами* и с берегами Невы, конечно, не воображали, чтоб на этих диких, бедных, низменных и болотистых берегах суждено было возникнуть Российской империи, равно как не воображали они, чтобы Московское царство когда-нибудь сделалось Российской империей. И возможно ли было вообразить что-нибудь подобное? Кто может предугадать явление гения, и может ли толпа предвидеть пути гения, хотя этот гений и есть не что иное, как мысль, разум, дух и воля самой этой толпы, с тою только разницею, что все, что таится в ней как смутное предчувствие, в нем является отчетливым сознанием? В конце XVII века Московское царство представляло собою уже слишком резкий контраст с европейскими государствами, уже не могло более двигаться на ржавых колесах своего азиатского устройства: ему надо было кончиться, но народу русскому надо было жить; ему предлежало великое будущее, и потому из него же самого бог воздвиг ему гения, который должен был сблизить его с Европою. Как все великие люди, Петр явился в пору для России, но во многом не походил он на других великих людей. Его доблести, гигантский рост и гордая, величаявая наружность с огромным творческим умом и исполинскою волею – все это так походило на страну, в которой он родился, на народ, который воссоздать был он призван, страну беспредельную, но тогда еще не сплоченную органически, народ великий, но с одним глухим предчувствием своей великой будущности. Поэтому Петр сам должен был создать самого себя, и средства для этого самовоспитания найти не в общественных элементах своего отечества, а вне его, и первым пестуном его было – *отрицание*. Совершенные невежды и фанатики обвиняли его в презрении к родной стране; но они обманывались: Петра тесно связывало с Россиею обоим им родное и ничем не победимое чувство своего великого призвания в будущем. Петр страстно любил эту Русь, которой сам он был представителем по праву высшего, от бога истекавшего избрания; но в России он видел две страны, – ту, которую он застал, и ту, которую он должен был создать: последней принадлежали его мысль, его кровь, его пот, его труд, вся жизнь, все счастье и вся радость его жизни. Ученик Европы, он остался русским в душе, вопреки мнению слабоумных, которых много и теперь, будто бы европеизм из русского человека должен сделать нерусского человека и будто бы, следовательно, все русское может поддерживаться только дикими и невежественными формами азиатского быта. Москва, столица Московского царства, Москва, уже по самому своему положению в центре Руси, не могла соответствовать видам Петра на всеобщую и коренную реформу: ему нужна была столица на берегу моря. Но моря у него не было, потому что берега Северного и Восточного океана и Каспийское море несколько не могли способствовать сближению России с Европою. Надо было немедля завоевать новое море. Два моря мог он иметь в виду для завоевания – Черное и Балтийское. Но для первого ему нужно иметь Малороссию в своем полном подданстве, а не под своим только верховным покровительством, а это совершилось не прежде, как по измене Мазепы. Кроме того, ему нужно было отнять у турков Крым и взять в свое владение обширные степные пустыни, прилегающие к Черному морю, а взять их во владение, значило – населить их: труд несвоевременный! и притом к чему бы повел он? Столица на берегу Черного моря сблизила бы Россию не с Европою, а разве с Турциею, и насильственно притянула бы силы России к пункту столь отдаленному, что Россия имела бы тогда свою столицу, так сказать, в чужом государстве. Не такие виды представляло Балтийское море. Прилежащие к нему страны истари знакомы были русскому мечу; много пролилось на них русской крови, и оставить их в чужом владении, не сделать Балтийского моря границею России – значило бы сделать Россию навсегда открытою для неприятельских вторжений и навсегда закрытою для сношений с Европою. Петр слишком хорошо понял это, и война с Швециею *по необходимости* сделалась

главным вопросом всей его жизни, главной пружиной всей его деятельности. Ревель и особенно Рига как бы просились сделаться новой столицей России – местом, где русский элемент лицом к лицу столкнулся бы с европейским, не для того чтоб погибнуть в нем, но принять его в себя. Но Ревель и Рига сделались позднее достоянием Петра, который вначале хлопотал не из многого – только из уголка на берегу Балтики, а медлить Петру, в ожидании завоеваний, было некогда: ему надо было торопиться жить, то есть творить и действовать, – и потому, когда Ревель и Рига сделались русскими городами, город Санктпетербург существовал уже семь лет, на него было уже истрачено столько денег, положено столько труда, а по причине Котлина острова и Невы с ее четверным устьем он представлял такое выгодное и обольстительное для ума преобразователя положение, что уже поздно и грустно было бы ему думать о другом месте для новой столицы. Он давно уже смотрел на Петербург, как на свое творение, любил его, как дитя своей творческой мысли; может быть, ему самому не раз казалась трудною и отчаянною эта борьба с дикою, суровою природою, с болотистою почвою, сырым и нездоровым климатом, в краю пустынном и отдаленном от населенных мест, откуда можно было получать удовольствие, – но непреклонная сила воли надо всем восторжествовала; гений упорен, потому именно, что он – гений, и чем тяжелее борьба, охлаждающая слабых, тем больше для него наслаждения развертывать перед миром и самим собою все богатство своих неисчерпаемых сил. Торжественна была минута, когда при осмотре диких берегов Финского залива впервые заронила в душу Великого мысль основать здесь столицу будущей империи. В этой минуте была заключена целая поэма, обширная и грандиозная; только великому поэту можно было разгадать и охватить все богатство ее содержания этими немногими стихами:

На берегу пустынных волн
 Стоял Он. дум великих полн,
И вдаль глядел. Пред ним широко
 Река неслася; бедный челн
 По ней стремился одиноко.
 По мшистым, топким берегам
 Чернели избы здесь и там,
 Приют убогого чухонца;
 И лес, неведомый лучам
 В тумане спрятанного солнца,
 Кругом шумел...
 И думал Он:
 «Отсель грозить мы будем шведу,
 Здесь будет город заложен
 На зло надменному соседу,
 Природой здесь нам суждено
 В Европу прорубить окно:
 Ногою твердой стать при море,
 Сюда по новым им волнам
 Все флаги в гости будут к нам,
 И запируем на просторе».^{1}

Петербург строился экспромтом: в месяц делалось то, чего бы стало делать на год. Воля одного человека победила и самую природу. Казалось, сама судьба, вопреки всем расчетам вероятностей, захотела забросить столицу Российской империи в этот неприязненный и враж-

^{1} Из поэмы Пушкина «Медный всадник».

дебный человеку природою и климатом край, где небо бледнозелено, тошная травка мешается с ползучим вереском, сухим мохом, болотными порослями и серыми кочками, где царствует колючая сосна и печальная ель и не всегда нарушает их томительное однообразие чахлая береза – это растение севера; где болотистые испарения и разлитая в воздухе сырость проникают и каменные дома и кости человека; где нет ни весны, ни лета, ни зимы, но круглый год свирепствует гнилая и мокрая осень, которая пародирует то весну, то лето, то зиму... Казалось, судьба хотела, чтобы спавший дотопле непробудным сном русский человек кровавым потом и отчаянною борьбою выработал свое будущее, ибо прочны только тяжким трудом одержанные победы, только страданиями и кровию стяжанные завоевания! Может быть, в более благоприятном климате, среди менее враждебной природы, при отсутствии неодолимых препятствий, русский человек скоро возгордился бы своими легкими успехами, и его энергия снова заснула бы, не успев даже и проснуться вполне. И для того-то тот, кто послан ему был от бога, был не только царем и повелителем, действовал не одним авторитетом, но еще более собственным примером, который обезоруживал закоснелое невежество и веками взлелеянную лень:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания